

«Словцо конечное» написано Артемом Веселым после завершения им романа «Гуляй Волга» — о присоединении в XVI веке земель Западной Сибири к Московскому государству, об атамане казачьей вольницы Ермаке. Это было второе крупное произведение писателя после главного труда его жизни — романа «Россия, кровью умытая», в котором создан динамичный образ революционной, бунтующей Руси.

Нетрудно увидеть связь и перекличку между романами «Гуляй Волга» и «Россия, кровью умытая». Артема Веселого и в далекой истории привлекла возможность создать эпическое полотно, нарисовать образ народной массы — бурлацко-казачьей вольницы, присоединившей к России далекую Сибирь.

Оба эти романа вошли в новую книгу Ар-

тема Веселого, только что выпущенную издательством «Художественная литература». В конце тома даны «Литературные додарки», дополняющие роман «Гуляй Волга» достоверными сведениями (в вольном пересказе) находок из летописей. Тут же — летописные разночтения и выводы. Затем — «Сказки и бывальщины», «Литературные шутки» и непечатанное нами «Словцо конечное».

Заключается книга рассказом дочери писателя З. А. Веселой о творчестве Артема Веселого (1899—1939) — революционера-большевика, бойца, писателя. Вся его бурная натура чувствуется и в языке, и в стиле повествования даже в небольшом отрывке, который мы приводим здесь из романа «Гуляй Волга».

СЛОВЦО КОНЕЧНОЕ

Вначале книга была задумана, как забава и отдых меж ломовых дел, но в песне сердцу первое слово: приступил к работе, увлекся и — пошла писать...

Разин, Пугачев — большая дорога народных движений, Ярмак — глухая тропа. О Разине, Пугачеве, Булавине — горы архивных материалов, исторические же сведения об Ярмаке крайне скудны; так, достоверные известия о сибирских народах того времени можно уписать на пяти страничках, а еще того менее мы знаем о работных людях XVI века. Зимами я дневал и ночевал в книгохранилищах, а с весны распускал парус и на рыбачьей лодке плыл по следам Ярмака — Волгою, Камою, Чусовой, Иртышом, — кормясь с ружья и сети. За шесть годов перерыл гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам по двенадцать тысяч верст. Трудности, как, впрочем, и во всякой честной литературной работе, были огромны — коротко о них не расскажешь, а распространяться нет охоты: кому интересна потная, черновая работа такого дикого, как я, писателя?

До последнего времени имел намерение печатать книгу в двух разнословах (по-ученому сказать, варьянтах), а сейчас, по немногим, но весьма увесистым причинам, отдумал. Впрочем, кое-что из

второго разнослова мною подано в литературных додарках. Выюга горестных раздумий захватила меня в пути — зазнобила сердце, залепила очи, — книга не доработана... Может быть, когда-нибудь падет на меня радостных дней орлиная стая, с новой силой загремит и заблещет перо мое: тогда-то на роман и будут положены последние краски и жары...

Гуляй-городом в глубокую старину у русских звался военный отряд в походе — с обозами, припасами; у сибирцев — кочевое становище. Позднее гуляй-городом назывались подвижные на катках башенки, для приступа к крепостям. Отсюда, в хорошую минуту, родилось и заглавие романа: Гуляй Волга — русской воли и жесточи, мужества и страданий полноводная река, льющаяся на восток...

Знаю: глупец, зачерствевший в зломыслии и ненавистничестве, пустится поносить меня всяко и лаять на разные корки; полудурье прочтет книгу сию, ухмыльнется и забудет; умный же и чистый сердцем возрадуется крутой радостью и порою перечтет иные строки... Улыбка и уроненная на стралицу слеза живого читалы да послужат мне лучшей наградой за этот каторжный и радостный труд!

Арте́м ВЕСЕЛЫЙ.

Январь, 1933.

Сборник произведений Артема Веселого иллюстрировал художник Н. Воробьев. Воспроизводим фрагмент рисунка к роману «Гуляй Волга».

ГУЛЯЙ ВОЛГА

Отрывок из романа

С понизовья грозил ветер. Стремилась Волга к далекому морю бег мутной волны. Пустыни и глухи лежали берега, над песчаными косами курились пески, текли синеющие дали... Крутой ветер буянил на просторе, кипящие волны были похожи на пирующих победителей какой-то несметной орды.

Над Буланом-островом гам и гал и дым многих костров.

Хмельная волна хлестала берег. Столкнутые с отмели, мотались на волне будары и насады, лодки плавные и лодки кладные.

Артельный уставщик Фора Волкорез похаживал по берегу да прикрикивал:

— Соколики, ходи веселее!..

Босые и оборванные бежали по хлюпающим дощатым настилам, грузили кули толкна да гороху, связки вяленого сазана яйцкого да свежеловки малосольного сазана астраханского, рыболовную и звероловную снасть, выделанные из цельных свиных шкур чувалы с порохом и свинцом да всякий воинский припас.

На высокой корме двенадцативесельной атамановой каторги вляивал от нетерпенья Орелко, седой кобель с волчьим зубом. В походах он вырос, в походах успел и состариться. За свою недолгую собачью жизнь побывал в Персии и Турции, лакал воду из Терека, ганивал кабанов в придунайских гирлах, и по всем заволжским аулам не было, кажется, ни одного пса, с которым Орелко не грызся бы.

Дела доделаны, песни допеты, казаки шумной ватагой сошлись к атаманову шатру.

Мартьян, обратившись к востоку, читал напутную молитву.

Ватажники молились в глубоком молчании, задубевшие лица их были суровы.

— Избави нас Иисус Христос и царица небесная от

огня, меча, потопу, гладу, труса и хвороби...

После всего, по обычаю, роспили стрелянную чарку и с шутками да смехом пошли к лодкам.

— Чалки выбирай!

На дощаники были выбраны чугунные плюхи и дубовые с ввязанными камнями якоря.

— Ну, якар мар... — повел Ярмак карим дремучим глазом и положил крепкую руку на руль. — С походом, братья!.. Брык копыто, тюк квашня, бе-ри-сь!

Весельники поплевали в руки, взяли за весла, ударили, еще ударили и, расправляя кости, принялись неспешно покидывать тяжело стонавшие весла.

Ярмак прошел на нос и, высоко подняв над головой, метнул в воду колодку меду, потом разломал через коленку ковригу ржаного хлеба и тоже бросил волнам в лапы.

Старики, чтобы погладить путь-дорожку, бормоча молитвы, кидали за борт по горсти соли...

Навалился вечер, и заходила, задышала Волга.

Весла были приняты, латаные и рогожные паруса поставлены.

Ярмак покрикивал:

— Держись по струе!

Ходко шла атаманова каторга, а за каторгой ухлыстывали будары и насады, лодки плавные и лодки кладные.

Плыли.

Бежала Волга в синем блеске, играючи песчаные косы намывала, острова и мысы обтекала, вела за собой крутые берега да зеленые луга...

Размах гор

навалы больших лесов. Дремали над Волгой, карауля тревожный покой Азии, русские городки и острожки...